

ДЕТИ ВОЙНЫ

Павел Низковский родился в 1931 году в селе Турья Черниговской области. Здесь же закончил семилетку, затем старшие классы в посёлке Щорс. В 1953 году П. Низковский - выпускник Чкаловского военно-авиационного училища штурманов в городе Оренбурге. После окончания училища служил в Забайкалье штурманом на реактивных самолётах «Ил-18». В результате сокращения армии, Павел Низковский, уволенный в запас, трудился учителем в школе. С 1960-1965 годы, осваивал новую профессию, учась на филологическом факультете в Читинском педагогическом институте им. Чернышевского. На четвёртом курсе института его пригласили на должность инспектора отдела народного образования Карымского района. Здесь он проработал в общей сложности 19 лет. Все эти годы занимался литературным творчеством.

ПАВЕЛ НИЗКОВСКИЙ

Ульяна

повесть

Посвятил своей маме, где рассказывает о ее и своих воспоминаниях военного времени. В книге он Петя, и к началу войны ему было 10 лет. Ушли на фронт его отец и старший брат. Жили они с мамой и младшим братом в украинском селе, которое было оккупировано немцами в первый же год войны. Им удалось выжить в этом страшном режиме, после войны автор закончил школу и поступил в летное училище, стал летчиком. Много лет прожил в Забайкалье. Воспоминания о военном времени стали главной темой для его произведений «Ульяна» и «Отравленные ложью».

ВОЙНА

Начало оккупации.

В тихий и солнечный осенний день война вплотную подошла к Чепелевке. В августе через село пропылили гурты скота, угоняемого все дальше на восток из областей, уже занятых немцем, прошли группы растерянных беженцев, побывавших под огнем немецких самолетов и теперь со страхом поглядывающих в небо, услышав гул самолета. А в сентябре много дней шли через Чепелевку нестройные колонны уставших солдат в добела выгоревших от солнца и пота гимнастерках, в тяжелых ботинках, выше которых ноги были запеленаты обмотками; ехали длинные вереницы крытых брезентом повозок, конные упряжки с пушками, реже – колонны автомашин, поднимая над собой тучи долго не оседающей серой мелкой пыли.

Обстрел

Внезапно какой-то скрежещущий, холодящий душу визг пронесся в воздухе, будто враз полдюжата свиней закричало. И тут же за садом в огороде раздался трескучий взрыв, за ним второй. Будто ветром в один миг выдуло из сада баб. Солдаты бросились к винтовкам.

- Петя, сынок, где ты?! – закричала Ульяна, но он, тоже испуганный, был уже рядом с матерью.- Бегом в погреб!

И снова скрежет – и взрыв, уже в сад. Свист бомб Ульяна уже не раз слышала и знала, а вот такого пронзительного визга слышать еще не приходилось.

- Что это еще за новая напасть на наши головы, Господи? – спросила Ульяна в погребе, тяжело дыша после бега.

- Это мины так визжат, мама! – возбужденно объяснил Петя.- Я знаю, я читал в газете.

- Ой, лучше б такого никогда не знать.

Минометный обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Тревожно прислушиваясь, Ульяна осторожно выбралась из погреба, пахнущего картофельной сыростью. Огляделась, позвала за собой детей. Володя плакал, хотел есть.

Уход из дома

- Корову с собой, корову не бросай! Я тоже свою поведу, а куры не пропадут. Не на год уходим, утихнет тут – сразу вернемся.

Высоко в ясном небе прерывисто загудел самолет. По звуку моторов уже узнали – немецкий.

- Смотрите, самолет! – закричал Петя.- Вот гад, снова листовки бросает!

Женщины подняли головы. От блестящего на солнце и басовито умыкающего тельца самолета отрывались, будто вспыхивали, серебристые клубочки. Они медленно разрастались, редели и, поблескивая, опускались к земле. Не ощущаемый внизу верховой ветер сносил листовки на восток, в ту сторону, куда все еще шли и шли уставшие, запыленные красноармейцы.

Немцы в селе.

Немцы проползли через село, как внезапная напасть саранчи, и скрылись. После сухих и ясных осенних дней занепогодило. Дождь то сеялся, как сквозь сито, мелкими туманными каплями, то вдруг поливал, как из ведра. Раскисли дороги, потемнели поля, притихло, притаилось в холодной слякоти село, будто накрылось мокрым серым одеялом. Только звякнет иногда дужка ведра у колодца, протяжно замычит корова, испуганно каркнет отбившаяся от стаи ворона – и снова тонут в дождевой дымке глухая улица, пустые огороды, черные сады.

Немцы на хуторе

Когда все из убежища выбрались наружу, и немцы убедились, что в убежище пусто, один из них, тот, что с автоматом, ткнул стволом в сторону хозяйки, сказал, мешая немецкие и русские слова:

- Матка, шнель яйка, шпек...сало давай, давай...

В этот момент со двора донеслась какая-то команда, и немцы кинулись туда. Во дворе чужие солдаты с громким хохотом, дурачась, вырывали друг у друга подойник с молоком, пыльные мундиры были облиты молоком.

В лужице свежей оранжевой крови лежала посреди двора застреленная собака, рядом валялся брошенный в пыль подойник. Все потерянно молчали. Петя, считавший себя до этого вполне взрослым и сторонившийся стеснительно матери, теперь держался рядом с ней. Ульяна присела на ступеньку крыльца и прижала к себе сына. И Петя податливо, как никогда раньше, прильнул к матери худеньким плечом.

- Мам, а мам? – просит Петя.- Пойдемте домой!

Словно очнулась Ульяна. Конечно, надо скорее подаваться домой.

Возращение домой

К дому дотянулась Ульяна с детьми и коровой на поводу и даже повеселела, будто год дома не была. А увидела издали свое подворье, сердце снова тревогой сжалось: ворота настежь, дверь сенная открыта, и хлев как-то необычно смотрится. И тут же сообразила, почему так: вишневый садик под хлевом вырублен, кусты смородины поломаны, вот отчего пустотой так веет. В огороде две ямы глубоких с кучами белой земли по бокам, прикрытой сухой картофельной ботвой и вишневыми деревьями.

- Машины в ямы загоняли для маскировки, - объяснил Петя.

Зашли во двор. Из сарая, услышав голос хозяйки, несмело ступая, вышли две курицы, вытягивая шеи, боязливо осматриваясь. За ними спрыгнул с жерди петух. Как только увидела бесхвостого петуха, сразу догадалась: съели ее курей фашисты. Из двух десятков осталось всего три птицы.

Корову отвела в хлев и скорей в хату. Как там? Пол в сенях устлан куриным пером. В комнату вошла и стала у порога, как в чужом доме. Тут и вправду застоялся чужой дух: пахло табачным дымом и одеколоном. Осмотрелась. На полу вдоль стен и на лавке разбросана солома. Вповалку спали. С красного угла открыто смотрит с иконы лик святого с поднятой для крестного знамения рукой – сняли рушник с иконы. Нет рушников и над окнами, пусто и голо без рушников в хате.

Тайник от немцев

А тут и Петя прибежал со двора к матери:

- Мам, гляньте, подпечье разломали.

И полез в пролом. Под печкой был изрядный кирпичный подвальчик с небольшим квадратным входом в него на уровне пола. В добрые времена туда складывали дрова для подсушки, зимой, когда наступали рождественские да крещенские морозы, там держали кур, чтобы не поморозили они ног да гребешков. А в войну подпечью нашлось еще одно применение. Люди приспособили его для тайника, куда прятали самые необходимые вещи, а вход замуровывали кирпичом и забеливали вровень с печью. Знающие люди рассказывали, что в хорошо замурованном таком тайнике все оставалось целым, если даже хата сгорала дотла.

- Мам! – кричал Петя из подпечья. - Все тут переверочено!

- Смотри, сынок, все ли на месте? Возьми спички, присвети.

- Так..., жито целое, мешок только развязанный, рассыпалось немного. Кожух тут, пальто отцово тут. Так... Полотна не видно, сало забрали, сапоги забрали...

Окопы

- Ты хоть бы рассказала, Ольга, что вы там делали, как жили.

- Да как. Нас же не в Москву на сельскохозяйственную выставку возили. Работали до седьмого пота. Недалеко от Десны траншеи да противотанковые рвы рыли. Выберешься на минуту из ямы, посмотришь вокруг – люди, как муравьи, копошатся. И трудностей, и страху натерпелись – вспоминать жутко, - начала рассказывать Ольга

– Ехали мы туда спокойно думали: поработаем – нам работа не в тягость – и домой нас таким же порядком доставят. Только не так вышло, как думалось.

Уже на второй день немцы обстреляли нас с самолетов, были и убитые. А там и пошло: что ни день, то обстрел и бомбежка.

Мы копаем, а они нас бомбят, пугают, значит, чтоб разбегались. Листовками с самолетов прямо забрасывали. Помню, в одной написано было: «Девочки и дамочки, зря не ройте ямочки. Придут наши таночки, заруют ваши ямочки».

Случаи в окопах

Один раз прилетел самолет, покружился, покружился высоко – вдруг вой, визг жуткий такой с высоты, прямо мороз по коже дерет от страха. Попрытались все, а взрывов нет. Удивляемся: что это еще за новая напасть на наши головы? Оказалось, колеса железные сверху бросали! Вот они и визжали так страшно. Пугали, значит, нас.

- Однажды вот также загундосил над нами самолет.

-Смотрим, парашютист повис над нами, еще не лучше.

Опустился мертвый человек, за лямки привязанный, пожилой уже, седой весь, по виду еврей. А к рубашке на груди у него бумага приколотая: «Это вам есть бригадир. Бросайте работу, расходитесь по домам. Кто не слушается, тому капут, как ему».

Остаешься за старшего

Ульяна с радостью замечала, что с тех пор, как на третий день войны Василь, прощаясь, сказал сыну: «Ты, Петро, за старшего в доме остаешься. Гляди тут, помогай матери» - десятилетний хлопец будто повзрослел сразу на несколько лет. За всякую мужскую работу брался без напоминаний. И даже держаться стал как-то степенно, по-взрослому. А в первую военную зиму прямо удивил Ульяну своей ловкостью.

Две ветряные мельницы за селом на пригорке, которые обеспечивали жителей мукой, в первый же год войны сгорели от прямых попаданий снарядов. И теперь, чтобы спечь хлеб, приходилось молоть зерно вручную на самодельных жерновах. На несколько домов в округе жернов был только у хромого столяра Никифора Трехногого.

Присмотревшись к устройству жернова, Петя вскоре сам сделал такой же. Потом, когда потребовалось, наладил кросны, валявшие до этого без надобности на чердаке, научился плести ивовые корзины, делать грабли. Все это поднимало авторитет сына в глазах Ульяны, и она стала прислушиваться к его словам.

Вторая оккупационная зима

Особенно тяжелой была вторая оккупационная зима. С осени топила печь сухой картофельной ботвой да остатками привезенных еще свекром дров. А когда выпал снег и была пробита дорога в ближний лес, ездила с Петей туда и Ульяна. Только много ли привезешь санками на себе тех дров? Из сил выбивались за день, а привозили к вечеру топлива – кот заплакал.

Скоро в лес совсем запретили ездить полицаи, чтобы не допустить связи с партизанами. Пришлось Ульяне в ту зиму сжечь забор и половину пола в сенях, чтобы хоть как-то продержаться в хате. Так и зимовала: забиралась с детьми на чуть теплую печь в одежде, так и перебивалась. По утрам вода у порога бралась льдом, пар валил густо изо рта, пока растапливала утром наскоро временку, чтобы хоть немного обогреть детей, не решавшихся слезать с печки в морозную стынь избы.

Спасенье Ольги

«Новый порядок» принес и еще одну напасть, самую страшную. Подростков-мужчин и девушек стали забирать на работу в Германию. Надо опять идти к Гусарке. У нее должно быть ядовитое зелье. Беда вымучит, да беда научит. И вот снова Ульяна по просьбе Веры подалась к знахарке. Выслушав Ульяну и узнав, зачем она пришла, Гусарка стала бормотать о том, что, видать, близок уже конец света, коли люди сами на себя напускают хворобу. Однако сделала ядовитую мазь и рассказала, как ею пользоваться. Через несколько дней запястья обеих рук и шея Ольги, покрылись темно-коричневыми струпьями. И когда полицай Абеба, чтобы отвести Ольгу в управу, увидел Ольгины болячки, он выскочил оттуда, как ошпаренный, испугавшись заразы. Только так и спаслась Ольга от угона в Германию. А мук приняла – не доведись никому. Места под струпьями нестерпимо зудели, как-то во сне Ольга расцарапала болячку на шее, и то место вскоре покрылось гнойной коростой, долго не заживало. С тех пор и остался на шее Ольги рубчатый шрам на всю жизнь – злосчастный знак беды и горя военных лет...

Как сберечь корову

Пришел приказ и к Ульяне сдать корову для немцев.....

«Разговор с сыном о корове, хоть и не принес утешения, но все же заронил в душу Ульяны искорку надежды: может, и вправду надо что-то придумать, чтобы сохранить корову, негоже так сразу опускать руки.

Утром Петя сказал матери:

- Я сам поведу корову к управе.

Заплаканная Ульяна только рукой махнула безнадежно:

- Веди. Такая наша доля.

На площади уже стояли подводы с привязанными к задкам коровами. К последнему возу привязал свою Зорьку и Петя. Утро выдалось тихое, солнечное, обещаая жаркий день. Возницы – два деда и подросток чуть старше Пети - недовольно ворчали, ожидая команды трогаться в Сосновск.»

По дороге Петя незаметно подрезал веревку, на которой вел корову. Выбрал подходящее место на повороте за угол, пугнул свою корову. Она оторвалась и убежала. А он якобы побежал ее догонять, но не догнал. Возчики не стали терять время. А вечером, конечно, корова вернулась к своему двору. Так и сберег Петя кормилицу семьи.

Взрывы в лесу

Километрах в трех от Чепелевки, за дальним пастбищем, у края соснового леса, когда уже погнали немцев, произошел скоротечный, но жаркий бой. Поспешно отступив, немцы оставили в лесу много снарядов, гранат, патронов и винтовок. Военные трофеи эти скоро увезли, но часть их осталась, разбросанная по лесу в окопах и траншеях. Для подростков в округе это был настоящий бесценный клад. В тот год с весны, как только стали гонять коров на пастбище, и до поздней осени часто ухали в стороне леса взрывы, хлопали винтовочные выстрелы. Тот лес за раздольным пастбищем тянул к себе всех сельских ребят, как волшебная сказка. Нередко, сбившись в шумную ватагу, подростки отправлялись в лес на весь день, позабыв все домашние дела, порученные ушедшими на работу матерями. Не удержать было дома самыми страшными угрозами от соблазна пострелять в лесу подростков военных лет. Пусть вечером будут ходить по их тощим спинам и сухим ягодцам, обтянутым короткими штанами, хлесткие родительские ремни и вожжи — не то что день, даже один час остро-тревожной свободы в послевоенном лесу, усыпанном, как грибами, взрывчатыми предметами, стоил того. В те дни не умолкало в лесу гулкое эхо взрывов.

...Один из мальчиков подорвался на mine. Да и Петя успел принести домой из леса патроны и гранату. Конечно, он получил от матери нагоняй

День победы

...Явью встал в памяти далекий радостный и в тоже время печальный день Победы.

Сияло солнце, цвели сады, яблони казались белыми кучевыми облаками, которые каким-то чудом опустились на село и застыли в величавом спокойствии вокруг дворов. Каждая ветка звенела от пчел, деловито перелетающих с цветка на цветок. Потревоженные ими молочно-розовые соцветья наполняли воздух сладко-горьким ароматом.

Вот и пришел на нашу страдальную землю этот великий день – день Победы нашей, которого мы с нетерпением ждали с той самой минуты, как на нашу Родину вероломно, по-бандитски напали немецкие фашисты... Нет, не совсем правильно я говорю. Не просто ждали, а смертельно дрались за него на фронте и в тылу, и здесь, на временно оккупированной территории. Не жалели мы ни жизни своих, ни силы своей, ничего не жалели в смертельной схватке с гадом. Многие положили головы за нашу Победу и уже никогда не вернутся домой, к своим матерям, женам, детям...

После войны

Выстрелы и взрывы несли с собой смерть не только в годы войны, но еще долго и после нее. То и дело село будоражили печальные вести.

Подорвался на mine шофер Степан Лобода. Вез на единственной в колхозе полуторке зерно сдавать на хлебоприемный пункт. В кузове на зерне две женщины сидели. Мосток через ручей за время войны сгнил наповал. Степан свернул на обочину в объезд и наскочил там еще с войны противотанковую мину. Женщин спасло зерно, их только выбросило из кузова, а Степана в кабине разметало на куски. И снова будоражилось село. Вот ведь как судьба играет человеком. От Москвы до Берлина прошел фронтовыми дорогами, три машины под ним разбиты были, а сам ни одной царапины не получил.

Дорога в
школу

Мороз

«Крепкий сегодня мороз, - еще раз подумала Ульяна, глядя, как белый дым, ходко огибая полукруглый свод печи, потянулся в трубу.- Как бы не обморозился сегодня Петя по дороге».

Пете предстояло идти утром в Боровичи – в село за двенадцать километров от Чепелевки. - Проснулся, слышу. Вставай, если пойдешь, лучше не ходи. Мороз сегодня такой, что треск стоит.

- Пойду, - отозвался Петя и проворно выскочил из постельного тепла.

Двойка

Начиналась последняя неделя перед зимними каникулами, и он, во что бы то ни стало, должен был исправить двойку. Получил он ее за то, что читал на уроке «Повесть о настоящем человеке». Книгу эту Петя с большим трудом выпросил у товарища на короткое время. Вот и читал на уроке, вечером книгу надо было отдать. Застав Петю за чтением, учитель географии Иван Антонович, по прозвищу Крендель, толстенький, небольшого роста мужчина, долго и нудно делал Пете внушение о вреде чтения художественной литературы на уроках, а в завершение беседы поставил в журнал двойку. Теперь ее надо было исправить, иначе могла быть двойка за четверть.

Сборы в дорогу

В сарае Петя выдернул из куля пучок длинной ржаной соломы и, вернувшись в хату, сделал в сапоги новые соломенные стельки, привычно обмотал ноги портянками, обулся. Ногам в сапогах показалось тесновато, стельки еще не обмялись, зато было тепло. Свежая солома мягко пружинила при ходьбе.

Видя, что сын все же собирается в дорогу, Ульяна взялась готовить ему кошелку. Принесла из чулана кусок пожелтевшего прошлогоднего сала, положила увесистую, испеченную из ржаной муки наполовину с тертой картошкой круглую булку хлеба, несколько пирожков со свекольной начинкой, узелок пшена для супа, две золотистых луковицы. Петя положил сверху в кошелку тетрадь и учебник – можно в путь.

Сомнения

Где-то на полпути между селом и лесом Петя еще раз остановился. Ветер усилился. Ему очень захотелось вернуться домой. Услужливое воображение тут же нарисовало заманчивую картину: мать, увидев его, продрогшего, тут же запарит крутым кипятком горстку липового цвета, перемешанного с сухой малиной, в большой алюминиевой кружке, он бросит туда несколько кристалликов сахара и не спеша выпьет этот душистый, горьковато-сладкий напиток, согреется до пота. Потом можно будет забраться на теплую просторную печку и читать книгу. «А Крендель, - оборвал Петя свои мечтания, - поставит рядом с двойкой еще и жирную единицу за то, что не пришел на пересдачу, - и двойка за четверть гарантирована». Но не только эта неприятная мысль заставила Петю идти дальше. Здесь, в морозном снежном поле, он вдруг необыкновенно зримо представил себе Мересьева, ползущего по снегу с перебитыми ногами, ползущего, преодолевая боль. Выходит, он, раненый, мог ползти к цели, а я, здоровый, спасую перед морозом. Вперед.

У квартирной хозяйки

Пальцы ног все еще казались деревянными, но руки, отогревшись, заныли нестерпимо, и Петя крепился изо всех сил, чтобы не заплакать. Анисья отодвинула таз в сторону и стала тереть Петины ноги шерстяной варежкой, и тут только ноги обожгло так, будто на них сыпанули горячих углей.

- И далеко ты собираешься? – прервав работу, удивленно поинтересовалась Анисья.

- В школу.

- Сдурел хлопец. Не встать мне с места – помешался! Да ты же к вечеру не вынешь ног из сапогов. Да и в школе сегодня занятий не будет.

Видя, что парень все же намеревается обуться, Анисья решительно отставила его сапоги в сторону, молча взобралась на печку и сбросила оттуда мягкие и теплые ватные бурки.

- Про сапоги, сынок, забудь надолго.

В бурках ногам было просторно и мягко, но при ходьбе Пете казалось, что ноги наступают на щетку – покалывало.

Один в школе.

В широком школьном коридоре стояла тишина, хотя по времени вот-вот должны были начаться уроки, и Петя понял, что занятия отменены. Он заглянул в свой класс. Пусто. На скрип двери из учительской вышел Крендель и, близоруко вглядываясь, подошел к Пете. Очки он держал в руках.

- А, Соловей! Сегодня из Чепелевки?

- Сегодня, только что пришел.

- Похвально, похвально. Но уроков сегодня, как видишь, не будет. Мороз...

- Мне бы двойку исправить, Иван Антонович?

- Выучил?

- Почти наизусть.

- Значит, будь свободен и не считай себя должником.

Победа над собой

К вечеру пальцы на ногах опухли и покраснели, на них появились белые воздушные пузыри. Казалось, что кто-то безжалостный сжал конечности горячими щипцами и через равные промежутки дергает их, стараясь оторвать. И все же Петя не жалел, что пришел в Боровичи именно сегодня, когда отменили из-за большого мороза занятия. Не только потому, что исправил двойку по географии. Больше всего он был доволен тем, что не спасовал сам перед собой. На душе было легко и немного торжественно, как после успешной сдачи экзамена

И оживают в памяти свежей
болью давние тревоги, над
которыми и годы не властны, чтобы
развеять их, как кошмарный сон. А
все же...будем помнить все это,
чтобы никогда не испытать такого
новым поколениям.

Будем беречь мир от войны!!!